УДК 39 (394)

Традиционные отрасли хозяйства обских угров: современные адаптивные стратегии в рыночной экономике

Мартынова Е.П.

*Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого,
г. Тула, Российская Федерация,
ep_martynova@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение: под влиянием модернизационных процессов в хозяйственной сфере жизни обских угров происходят существенные изменения, исследование которых привлекает внимание этнологов, экономистов, социологов. Актуальным представляется обращение к анализу ситуации, обусловленной такими переменами, на микроуровне.

Цель: основная цель данной статьи – изучение хозяйственно-экономической деятельности коренных жителей сельских сообществ ХМАО, что предполагает рассмотрение функционирования традиционных отраслей хозяйства, а также неформальных экономических отношений, возникающих в условиях рыночной экономики.

Материалы исследования: источниковой базой статьи послужили полевые материалы, собранные летом 2017 г. в Березовском, Белоярском и Октябрьском районах ХМАО – Югры. Основой исследования стал междисциплинарный дискурс с использованием сравнительно-исторического и феноменологического методов.

Результаты и научная новизна: в статье дается оценка рыболовства и других отраслей традиционного хозяйства обских угров как адаптивной стратегии населения в современной рыночной экономике в условиях высокого уровня безработицы. Говорится об основных проблемах развития рыболовства – сокращении уловов ценных видов рыб и распределения квот на вылов. Автор впервые обращает внимание на наличие в регионе специфической формы базарной торговли, описанной К. Гирцем. Такая торговля формирует гибкую модель неформальных личных связей, которые можно рассматривать как реципрокные. В большей степени «базарная экономика» коснулась сбыта продукции рыболовства. Охотничий промысел, животноводство, огородничество, хотя и не ориентированы на рынок, являются не менее значимыми в современных адаптивных стратегиях коренных жителей.

Материалы и выводы статьи могут быть полезны для выработки рекомендаций региональным и местным органам власти по урегулированию торгово-клиентских отношений, порожденных хозяйственно-экономической активностью населения.

Ключевые слова: этнология, обские угры, традиционные отрасли хозяйства, рыночная экономика, адаптивные стратегии, торговля.

Благодарности: работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Поисковые фундаментальные научные исследования в интересах развития Арктической зоны Российской Федерации» (проект «Коренные народы и промышленное освоение Арктики: преодоление рисков и стратегии развития»).

Для цитирования: Мартынова Е.П. Традиционные отрасли хозяйства обских угров: современные адаптивные стратегии в рыночной экономике // Вестник угроведения. 2017. Т. 7. №. 4. С. 119-130.

Traditional economic sectors of the Ob Ugrians: the modern adaptive strategies in the market economy

Martynova E.P.

*Tula State Pedagogical University by Lev Tolstoy, Tula, Russian Federation,
ep_martynova@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: significant changes are taking place in the economic sphere of life of the Ob Ugrians under the influence of modernization processes. Theirs studying attracts attention of ethnologists, economists, sociologists.

Objective: to research the economic activities of indigenous people in rural communities of KhMAO – Yugra, including consideration of the functioning of the traditional sectors of the economy and informal economic relations arising in the market economy.

Research materials: the article is based on field materials collected in the summer of 2017 in Beryozovsky, Beloyarsky and Oktyabrsky Districts of KhMAO – Yugra. Basis of the research has become the cross-disciplinary discourse with the use of comparative-historical and phenomenological methods.

Results and novelty of the research: the article provides an assessment of the fisheries and other sectors of the traditional economy as an adaptive strategy of the population in a modern market economy under the conditions of high unemployment. There are key problems in the development of fisheries: the reduction of catches of valuable kinds of fish and the distribution of catch quotas. For the first time the author pays attention to the presence specific forms of market trade in the region, described by C. Geertz. This trade creates a flexible model of informal personal contacts, which can be regarded as reciprocal. “Bazaar economy” increasingly concerns the distribution of fishery products. Hunting, farming, horticulture although not market-oriented, but they are no less significant in modern adaptive strategies of indigenous people.

Materials and conclusions of the article can be useful for making recommendations to regional and local authorities for the regulation of commercial client relations, generated by the economic activity of the population.

Key words: ethnology, the Ob Ugrians, traditional economic sectors, market economy, adaptive strategy, trade.

Acknowledgments: the article is supported by the Program of fundamental research of the Bureau of Russian Academy of Sciences «Search basic research in the interest of development of the Arctic zone of the Russian Federation» (Project «Indigenous peoples and industrial development of the Arctic: overcoming risks and development strategies»).

For citation: Martynova E.P. The traditional economic sectors of the Ob Ugrians: the modern adaptive strategy in a market economy // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric studies. 2017; 7 (4): 119-130.

Введение

В последние два десятилетия в жизни коренных малочисленных народов Севера (КМНС) Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (ХМАО) произошли существенные перемены, обусловленные государственной политикой, активным промышленным освоением районов их проживания, усилением конкуренции в использовании биоресурсов. В этой связи представляется актуальным обратиться к исследованию ситуации в одном из ареалов традиционного расселения обских угров – среднеобском. Нужно отметить, что с позиций географии, это территория Нижнего Приобья, а с точки зрения этнической классификации аборигенного населения, ханты, проживающие по Оби от устья р. Назым до устья р. Казым, относят себя к группе среднеобских (*ac kuton ёх*), а манси – обских (*ac махум*) [1]. Автор делает акцент на изучении сельских сообществ, поскольку в них по-прежнему проживает большая часть обско-угорского населения, жизнедеятельность которого в той или иной степени основывается на традиционных для этой местности занятиях рыболовством, охотой, животноводством. В эпоху глобализации, информационно-технологических изменений и рыночных отношений сельские поселения не остаются в стороне от модернизаци-

онных процессов, они по-своему испытывают и переживают их. Основная цель данной статьи – анализ современной хозяйственно-экономической деятельности коренных жителей на микроуровне, что предполагает рассмотрение функционирования традиционных отраслей хозяйства обских угров, а также неформальных экономических отношений, возникающих в условиях рыночной экономики. Для понимания основных тенденций сегодняшнего социально-экономического развития аборигенного населения целесообразно сделать небольшой исторический экскурс, характеризующий значение традиционных отраслей в жизнеобеспечении обских угров среднеобского ареала и особенности организации торговли среди коренного населения. С теоретической точки зрения предпринятое автором локальное исследование представляется важным для понимания современных процессов трансформаций среди аборигенного населения Севера в целом, практическая значимость определяется возможностью разработки на его основе рекомендаций по институализации отношений в сфере традиционного природопользования и правового регулирования.

Исследования о функционировании традиционной экономики коренных народов ХМАО в условиях рынка активно развернулись в 1990

и 2000-е годы. К этой тематике обращались не только антропологи, но и экономисты, социологи. Этнологов, прежде всего, интересовали возможности и перспективы развития традиционного хозяйства аборигенных народов, этнические механизмы адаптации к рыночным условиям, вопросы быстрых изменений в образе жизни, трансформаций традиционной культуры [10; 11; 12; 14].

Экономист В.М. Куриков проанализировал изменения, происходившие в традиционных отраслях хозяйства КМНС округа при переходе к рынку, обратив особое внимание на последствия для экономики коренного населения принятия ряда законопроектов на федеральном и региональном уровнях («О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ», «О соглашениях о разделе продукции», «Положении о статусе родовых угодий в ХМАО» и др.), регулирующих традиционное природопользование [6; 7]. В работах последних лет ученый разрабатывает идею о необходимости формирования равноправных отношений между обществом и коренными малочисленными народами Севера на основе экономической независимости последних, для чего им нужно предоставить право на получение части доходов от эксплуатации недр на территории исконного проживания [8; 9].

Социолог С.Х. Хакназаров на основании массового опроса населения в пяти районах ХМАО рассмотрел ряд актуальных социально-экономических проблем, касающихся развития территорий традиционного природопользования в округе и практики экономических соглашений с недропользователями [20].

Для понимания глубинных изменений, происходящих сегодня в экономике аборигенных сообществ Севера, необходимы локальные микроисследования по проблематике антропологии рынка. Они разворачиваются в рамках междисциплинарного проекта «Антропология рынка и трансформация социальных связей у коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока» [18]. Н.В. Сорин-Чайков обратил внимание на социальную укорененность рынка в других формах обмена, таких как распределение и дар, на его связь с подданнической культурой и биополитикой государства [19, 30].

В отечественной антропологической науке началось переосмысление даннических, даро-обменных и торговых отношений среди аборигенного населения Севера как в исторической ретроспективе, так и в новейшей истории. Сегодня перед антропологами стоит задача гуманизации этно-экономических исследований, т.е. изучение места и роли человека (производителя, покупателя, продавца) в экономических процессах и формирующихся при транзакциях социальных связей.

Материалы и методы

Данная статья основывается на исследованиях, проведенных летом 2017 г. в Октябрьском, Березовском и Белоярском районах Ханты-Мансийского автономного округа – Югры¹¹. Полевые материалы собирались путем включенного наблюдения, опросов коренных и местных жителей, представителей администраций в пяти сельских поселениях (Нижние Нарыкары, Верхние Нарыкары, Ванзетур, Тугияны, Шайтанка) и поселке городского типа Игрим.

Отправной точкой для осмысления собранных материалов, касающихся хозяйственно-экономической сферы жизнедеятельности аборигенных сельских сообществ в округе, послужили описанные К. Гирцем принципы функционирования восточного базара, отличающиеся и от рынка в понимании экономистов, и от рыночного хозяйства [4].

Результаты

Традиционный тип природопользования хантов и манси исследуемого ареала относится к кодскому или среднеобскому типу. Он ориентировался на рыболовство, важную роль в системе жизнеобеспечения играли также охота и животноводство (разведение лошадей, коров, овец), вспомогательное значение имел сбор дикоросов (кедровых орехов, ягод). В летний период основная часть населения вела рыболовный промысел на песках по Оби: добывали осетра, нельму, муксуна, стерлядь, сырка; в сорах и речках ловили язя, щуку, окуня, плотву, ерша и др. На песках был распространен лов рыбы большими (до 900 м) неводами и колыданами. С началом спада воды (июль) протоки и устья соров закрывали запорами, сора

¹¹ Состав этнографической экспедиции: Пивнева Елена Анатольевна, Мартынова Елена Петровна, Бардина Раиса Калистратовна.

облавливались сетями, на протоках неводили малыми (250–300 м) неводами. Осенью рыбачили сетями, неводили, закрывали небольшие речки запорами. После ледостава начинался подледный промысел рыбы: ставили запоры у живунов, использовали ставные сети, неводной лов производили по озерам и старицам. Лов рыбы осуществлялся посемейно, хотя такие уголья, как пески и сора, считались коллективной собственностью, а небольшие речки и протоки находились в семейном владении. Основной сезон пушной охоты длился с конца октября по декабрь. После Нового года в лес ходили эпизодически, по мере надобности добывали на мясо лосей и диких оленей. Охотничьи уголья находились в коллективном пользовании. Обычно на охоту отправлялись артелями из 5-6 человек, у каждой артели была в тайге своя охотничья избушка. Сам процесс промысла был индивидуальным [12, 42].

Рыболовству принадлежала наиболее значимая роль в системе жизнеобеспечения обских угров. А.А. Дунин-Горкавич заметил, у них рыболовство «заменяет земледелие и служит основным источником существования большей части обитателей края» [5, 5]. Большое значение рыбодобычи определялось тем, что «весь обской рыбный бассейн с бесчисленными притоками, сорами и протоками во все время от вскрытия до замерзания рек представляет сплошные рыболовные уголья» [5, 194]. Добыча рыбы велась круглогодично, но самый обильный промысел приходился на летне-осенний период. Способы и приемы лова определялись географическими условиями местности, временем года и биологическими особенностями видов промысловых рыб.

Уже в начале XIX столетия рыболовный промысел аборигенов Приобья носил товарный характер. Об этом свидетельствуют данные, собранные II ясачной комиссией 1828–1831 гг., организованной Сибирским Комитетом. Так, в Нарымской волости продавалось около 93% рыбной продукции, Тарханской – от 80 до 88%, Темлячевской – от 80 до 89%, Назымской – от 61 до 78%, Меньше-Кондинской – от 42 до 47% [15; 16]. По мнению М.А. Сергеева, обские угры, особенно расселенные по руслу Оби, входили в число северных народов, наиболее охваченных товарными отношениями. Согласно материалам Приполярной переписи 1926 – 1927 гг., товарная часть дохода составляла у них две трети валового (ханты – 66,0%, манси – 67,5%). Общая

товарность всей продукции достигала 65,3% у манси, 53,7% у хантов [16, 109].

Торговля рыбой, наряду с пушниной, имела широкий размах. У нее были свои отличительные особенности, о которых упоминали многие авторы XIX – начала XX в. При слабом развитии денежного обращения торговым эквивалентом служили шкурки пушных животных (соболь, белка) и рыба-муksун. Основную роль в поставке товаров промышленного производства для инородческого населения играли ежегодно проводившиеся ярмарки. Круглогодично торговлю с аборигенами вели посредники из крестьян, купцов, ямщиков, мещан, через которых аборигены приобретали необходимые вещи, сбывали продукцию охотничьего и рыболовного промыслов. В самих сделках усматривалось немало следов архаических обычаев взаимного гостеприимства и взаимодарения: они осуществлялись скрытно, торгующие посредники выступали в роли друзей или гостей. Торговцы предпочитали исполнять функцию кредиторов, т.е. сначала остякам и вогулам сбывались привезенные товары «в долг», а потом в течение года принимали продукцию промыслов по установленной самими стоимости. «Расчет» происходил раз в году: продавец, с одной стороны, учитывал сумму «долга» (взятых у него товаров), с другой – стоимость рыбы, шкурок, мяса и пр., принятых от «знакомого». В результате такой деятельности «вся Сибирь покрылась сетью микроскопических, по сравнению с ее общим пространством, участков, в пределах каждого из которых властвует кулак-скупщик на полных правах монополиста, высасывающий все соки из несчастных рыболовов» [17, 478–479]. Благодаря такой кредитной системе многие коренные жители попадали в экономическую зависимость от своих торговых партнеров.

Видимо, можно говорить о том, что в Северном Приобье был распространен классический вариант «колониальной» торговли с инородцами. Ее вели не торговые заведения и купцы, действующие согласно установленным законодательством нормам, а коммерсанты из крестьян, ямщиков, мещан, торговавшие на свое усмотрение по установившейся традиции. Поскольку официальные власти не могли наладить снабжение аборигенного населения, инициатива перешла в частные руки, торговля была не эквивалентной, преобладали формы натурального обмена. Товары, предлагаемые для мены,

были классически «колониальными»: со стороны остяков и вогулов – продукты промыслов (рыба, чаще всего муксун, пушнина, мясо, кедровые орехи, ягода, а со стороны их партнеров-«друзей» – продукты (мука, чай, сахар, табак, спиртное) и предметы фабрично-заводского производства (ткани, сукно, ружья, металлическая посуда).

После революции 1917 г. и окончания Гражданской войны руководством страны по отношению к аборигенам Севера была поставлена задача «из первобытных форм хозяйства перейти в стадию советского хозяйства, минуя промышленный капитализм». На Обском Севере, как и в других районах Севера и Сибири, развернулась кооперация, а затем и коллективизация «туземных хозяйств». Социалистическое строительство существенно изменило хозяйственный уклад аборигенов, традиционные отрасли были включены в систему государственного и общественного производства, подверглись модификации. Переход к плановой экономике превратил бывших рыболовов, охотников и оленеводов сначала в колхозников, а затем работников совхозов. В советский период в целях создания круглогодичной занятости в округе получили развитие нетипичные в прошлом отрасли хозяйства – животноводство, звероводство, земледелие. Социалистическая экономическая модель не предполагала развития рыночных отношений, получила распространение магазинная форма торговли.

Переход к рынку в начале 1990-х годов привел к глубокому кризису северной экономики. Государственное финансирование традиционных отраслей хозяйства прекратилось в 1994 г., тогда же начались реорганизация, а затем и распад колхозов, совхозов, госпромхозов и т.п. В результате на Севере резко сократилась занятость коренного населения, выросла безработица. Одним из устойчивых вариантов жизнеобеспечения, которого жители придерживались в 1990-х годах, был натуральный обмен местной продукции на продукты промышленного производства. Особенно важным ресурсом для местных жителей была рыба. Информанты постоянно подчеркивали, что выживали в 1990-е годы только благодаря рыбалке. Рыбная ловля может рассматриваться как адаптивная стратегия не только коренного, но и всего местного населения округа. Торговым эквивалентом, как в досоветские времена, был муксун. Тогда эту рыбу называли «сибирской

валютой», на него покупали лодочные моторы и даже автомобили. По воспоминаниям рыбаков, 1 бочка бензина стоила 15–18 муксунов, лодочный мотор – 10–30 муксунов, машина «Жигули» стоила 80–100 муксунов [ПМА 3, пос. Нижние Нарыкары: Я.Л.].

Сейчас в округе традиционными видами хозяйственной деятельности занимаются сельхозпредприятия и организации (ООО, СПК, общины коренных малочисленных народов Севера), а также частные лица. В рыбохозяйственной отрасли ХМАО – Югры действуют 170 предприятий, которые добывают рыбу, перерабатывают ее и занимаются воспроизводством рыбных запасов [3]. В зависимости от форм собственности их можно подразделить на две группы: 1) муниципальные государственные предприятия (рыбозаводы), 2) негосударственные (ООО, ОАО, национальные и родовые общины, кооперативы, малые частные предприятия). Березовский район, наряду с Ханты-Мансийским, является лидером по вылову и переработке рыбы в округе, на его территории с 1930 г. работает Березовский рыбозавод (сейчас ОАО «Сибирская рыба»). Рыболовные угодья (участки) распределяются по итогам тендеров и закрепляются за предприятиями, общинами и хозяевами территорий традиционного природопользования. По мнению экспертов, эффективному развитию рыболовной отрасли округа препятствуют высокий уровень физического износа и старение основных средств, отсутствие современного оборудования для обработки рыбы, сырьевая направленность большинства предприятий [13, 76]. Нередко общины и малые предприятия сталкиваются с серьезными проблемами в рыбодобыче: нехватка современного оборудования для хранения и переработки продукции, большие финансовые затраты, связанные с транспортировкой улова, низкие закупочные цены на рыбоперерабатывающих предприятиях, сложности в налоговой и финансовой отчетности.

Одна из новых проблем для населения округа – сильное сокращение вылова ценных видов рыб (муксуна, нельмы). С 2015 г. вылов муксуна на Оби под запретом. Рыбаки утверждают, что его не стало потому, что несколько лет назад в низовьях Оби пролилась нефть, которая и отравила эту ценную рыбу. Среди населения ходят слухи о том, что «вся Обь была белая, потому что рыба отравленная плавала кверху брюхом» [ПМА 1, С.Е., Г.М.; ПМА 2, Л.М., Я.М., М.А.].

Примечательно, что во время проведения этнологической экспертизы в Тазовском районе ЯНАО в 2011 и 2012 гг. ненцы говорили о том, что нефтяной разлив, который нанес невосполнимый ущерб популяции муксуна, произошел под Сургутом. Некоторые информанты полагают, что добыча углеводородов периодически приводит к прорывам нефти, которая потом течет по рекам, из-за чего рыба исчезает.

Одной из главных проблем для сельского населения является безработица, особенно среди коренных народов. В сельских поселениях сфера занятости представлена в основном бюджетными ставками в школах, детских садах, медпунктах, домах культуры, администрациях (если такие организации имеются). По нашей оценке, безработица среди коренного сельского населения составляет около половины трудоспособного населения. Приведем конкретные примеры. В деревне Тугияны постоянно проживает около 40 чел., рабочих мест – 12, а именно: отделение Ценроспаса – 5 чел. (из них только 3 местных, а двое работают вахтовым методом, приезжают на дежурство из Полновата), фельдшерско-акушерский пункт (ФАП) – 2 чел., клуб – 2 чел., магазин – 1 чел., дизельная станция – 1 чел., администрация (староста) – 1 чел. [ПМА 1, дер. Тугияны: Г.Г.]. В деревне Шайтанка проживает 122 человека, рабочих мест – 31 (из них 2 заняты «вахтовиками» из Березово); официально зарегистрированы 16 безработных трудоспособного возраста [ПМА 2, дер. Шайтанка: Л.Н.].

Оценивая ситуацию с трудоустройством в сельской местности, нужно принимать во внимание, что «незанятость» коренных народов относительна, ибо многие из их представителей вовлечены в те или иные виды традиционного природопользования в целях самообеспечения, т.е. ловят рыбу, охотятся, собирают ягоды, орехи. С постсоветских времен занятие рыбной ловлей является особенно востребованным местным населением, поскольку на продукцию всегда есть спрос. Все, с кем нам доводилось говорить на тему рыболовства, признавали, что рыба не только ежедневный продукт питания, но и главное средство купли-продажи, т.е. источник доходов. «Законно» можно сдать рыбу на предприятие, в общину или частным предпринимателям по договору. Цена при таких закупках очень низкая – от 15 до 35 руб. за 1 кг – и потому не устраивает рыбаков. К тому же предприниматели не могут

принимать рыбу в больших объемах, а значит и не могут обеспечить сбыт продукции всем желающим, поскольку связаны различными обязательствами, прежде всего квотами. Поэтому жители и говорят, что они принимают рыбу только «у своих». На основании опросных данных приведу пример: «В Белоярском я сдал по договору 3 тонны рыбы, а выловил 20 тонн. Куда остальную девать?» [ПМА 1, дер. Тугияны: С.Е.].

При анализе современной ситуации в северных поселках обнаруживаются весьма специфические способы организации экономической активности населения. Как отмечалось выше, сходные отношения описал К. Гирц, говоря о восточном базаре. Антрополог обратил внимание на стабильные клиентские связи между покупателями и продавцами, «странствующую» торговлю и значительную традиционализацию наследуемых занятий [4, 57].

Жители округа регулярно совершают торговые операции по купле-продаже рыбы (реже пушнины) через так называемых «коммерсантов». Улов при таких сделках никак не регистрируется и реализуется частным образом. Пик нелегального торгового оборота приходится на зимний период, когда действуют зимники, по которым большегрузные машины могут добраться до «глубинки» и вывезти рыбу в замороженном виде. Один из рыбаков сказал: «Я почти круглогодично рыбачу на продажу. Сам отвожу и сдаю в Полновате. Сейчас щука хорошо идет зимой. За один раз могу вывезти мешков 10, выходит приблизительно 12 000 рублей. Язь дешевле идет. Его тоже можно сбыть. Муксуна и нельму, если поймал, конечно, можно сбыть в Белоярском нелегально, эту рыбу хорошо берут. Бензина у меня за месяц уходит на четыре заправки, одна заправка стоит 1300 руб., ее хватает на неделю. Вот и считайте доход. В целом на жизнь хватает. Сейчас все лари для заморозки рыбы накупили. Они большие, мешков 8 рыбы вмещают и даже больше» [ПМА 1, дер. Тугияны: С.Е.]. По словам другого, «в Полновате можно реализовать рыбу приезжим. У нас все налажено. Документов никаких не требуют. Они даже сами звонят на мобильник и говорят, что приедут с деньгами, а вы привозите рыбу» [ПМА 1, дер. Тугияны: Г.М.]. Таких примеров очень много. Они подтверждают замечание К. Гирца о том, что на базаре центральное место занимают навыки обмена (а не производственные или управленческие) [4, 57]. При этом большую

роль играет клиентализация, т.е. склонность «делать повторяющиеся покупки определённых товаров и услуг в целях установления продолжительных отношений с их конкретными поставщиками, вместо того чтобы каждый раз осуществлять на рынке полномасштабный поиск» [4, 58]. Такая торговля формирует гибкую модель неформальных личных связей. При базарном обмене преимущество вытекает из способности окружить себя относительно лучшими коммуникативными связями [4, 59].

Можно сказать, что представители коренного, да и всего местного населения, округа приобрели опыт в таком специфическом виде базарного бизнеса. Большинство имеет регулярные отлаженные со временем контакты с торговцами-перекупщиками из разных регионов страны. Многие говорят, что такая торговля служит основным источником доходов семьи. Людей устраивает то, что расчет при совершении сделки происходит сразу же, в момент продажи, а не после окончания сезонной путины, как это бывает при сдаче продукции по договору на предприятия. К тому же рыба сбывается по более достойной цене – от 60 до 120 руб. за 1 кг. Удобно и то, что коммерсанты зимой нередко приезжают в деревню сами, а для сдачи по официальным каналам нужно тратить деньги на бензин. Получение «живых денег», с одной стороны, стимулирует активизацию торговой деятельности, с другой – дает возможность сразу покупать необходимые вещи, поскольку иногда заезжие предприниматели сразу привозят востребованные среди сельских жителей продукты, вещи, бензин. Типичное высказывание информантов: «Рыбачат все в основном для сдачи предпринимателям». Нельзя сказать, что рыбакам нравится такая нелегальная торговля. Один из них заметил: «Раньше мы назывались рыбаками, а теперь стали браконьерами» [ПМА 2, пос. Ванзетур: И.С.]. От информантов можно было услышать: «В соседних Пашторах всю рыбу забирает рыбокомбинат. Пашторские рыбачат по договору легально, у них плашкоут стоит рядом с деревней. А у нас не ставят, потому что мы далеко. Вот мы и нелегальщики» [ПМА 1, дер. Тугияны: Г.И.].

Знакомство с такой системой сбыта продукции промыслов показывает, что люди выстраивают свою систему персональных контактов, которые часто заменяют собой иные формы регулирования социальных взаимодействий. Кли-

ентские отношения можно рассматривать как систему реципрокных связей – рыбаки привязаны к своим постоянным покупателям, так же как и «коммерсанты» к ним. При этом они стремятся максимально дистанцироваться от официальной (статистической) реальности. «В условиях, когда институциональное доверие между социальными агентами оказывается разрушено или подорвано, возникает механизм, компенсирующий эту утрату и связанный с доверием на межличностном уровне» [2, 52]. Анализ отношений «коммерсант – рыболов» показывает, что обе стороны устанавливают относительно постоянные связи посредством мобильных телефонов (в сельской местности сотовая связь действует почти бесперебойно). Через круг постоянных клиентов, образующих по сути сеть, распространяется информация о времени приезда машин за рыбой, ценах, об опасностях и рисках, а также способах их преодоления, т.е. формах дистанцирования от внешнего воздействия.

Значимой для местного населения проблемой является квотирование добычи рыбы. Объемы возможного вылова в пресноводных водоемах ХМАО-Югры ежегодно определяются организацией ФГУП «Госрыбцентр». По мнению исследователей, объем квот имеет устойчивую тенденцию к снижению, поскольку они фактически не осваиваются в полном объеме [13, 76]. Доведение норм вылова до сведения рыбаков происходит следующим образом. По словам информантов, раньше через районный Отдел Севера они получали специальные журналы – «книжки», в которых указывалось, сколько и какие виды рыбы они имеют права выловить в течение года. На рыбалку можно было отправляться только с этим документом (его при проверке показывали рыбинспекции). После каждого выезда на водоем нужно было заносить в «книжку» размер улова по «породному ассортименту», а потом ежеквартально сдавать отчет в сельскую администрацию. С 2016 г. книжки перестали выдавать, вместо них создали электронную базу по округу, теперь каждый рыбак во время рыбалки должен иметь при себе паспорт и разрешение на лодку. При рейдах рыбинспекция проверяет по компьютерной базе данных легальность промысла и размер улова. Беседы с информантами показали, что не все акторы рыболовства разбираются в системе получения квот. Многие не знают про «компьютеризацию» контроля выловленной рыбы.

Нужно сказать, что такая система не создает эффективного контроля за уловом и соблюдением квот. Сельчане скептически относятся к лимитам вылова, устанавливаемым официальными органами. Один из рыбаков говорит: «Мне без разницы. Я сколько рыбы поймал – столько поймал. Запишу сколько-нибудь для отчета. Если поймают, могут, конечно, штраф наложить. Но инспектора особо не придираются, да и большие штрафы не выписывают. Меня один раз за язя штрафанули, заплатил 1000 руб., ну и что?» [ПМА 1, дер. Тугияны: С.Е.]. Некоторые убеждены, что квоты нужны только на ценную, белую, рыбу, «больше смысла в них нет». В реальности население ведет браконьерский лов рыбы, который покрывает все выделяемые квоты. Это ведет к истощению запасов наиболее ценных видов рыб.

Охота, по сравнению с рыболовством, не имеет такого широкого распространения среди жителей исследуемого ареала. Одна из причин – необходимость разрешения на ружье, наличие охотничьего билета, все это связано с бумажной волокитой и сдерживает рост числа охотников. К тому же довольно дорого стоят патроны (до 35 руб. за 1 шт.) [ПМА 2, пос. Березово: Ч.В.]. Охотятся в основном для себя, чтобы разнообразить пищевой рацион. Последние два года возобновился пушной промысел – добыча соболя. Некоторые охотники считают, что на сбыте шкурок можно заработать не хуже, чем на рыбе. Стоимость одной шкурки колеблется от 3,5 до 6 тыс. руб. в зависимости от качества меха. Сдают необработанные шкурки приезжим коммерсантам, которые размещают объявление на сайте ООО «Пушнина Югры» и в местных газетах. В «хороший год» можно добыть до 100 шкурок, в «плохой» – 15-20. Часто охотники жалуются на приемщиков пушнины, что те нарочно занижают качество шкурок, чтобы меньше платить [ПМА 1, дер. Тугияны: Г.М.; ПМА 2, дер. Шайтанка: Л.М.].

Среднеобской ареал богат ягодами и кедровым орехом. Здесь в изобилии произрастает морошка, голубика, брусника, клюква, много грибов. Среди местных жителей распространен сбор ягод для собственного потребления и «на заказ». Заказы делают, в основном, жители районного центра. Обычно это родственники или люди, имеющие с ними какие-либо деловые и дружеские связи. Торговые сделки в «ягодном промысле» мало популярны.

Выше упоминалось, что у обско-угорского населения ареала важную роль в системе тра-

диционной хозяйственной деятельности играло животноводство. В советское время животноводческие традиции упрочились, поскольку отрасль занимала второе место после рыболовства в деятельности колхозов. После распада колхозного строя разведение коров, лошадей, овец сохранялось в домашнем хозяйстве. Ханты и манси держали по 2–3 коровы, 1–2 лошади на хозяйство. Сейчас большинство отказалось от разведения лошадей, поскольку основным транспортным средством в зимнее время стали снегоходы. Коров перестали держать потому, что молоко продается в магазинах, а уход за животными и дойка – очень трудное дело. Возрождение животноводческой отрасли можно усмотреть «в моде» на содержание лошадей. Предприимчивые сельчане разводят табуны (по 10–15 голов) для сдачи на мясо. Его реализуют в основном неофициально, через коммерсантов, поскольку конина пользуется спросом среди приезжего населения округа.

В советские времена немаловажная роль в деятельности колхозов принадлежала земледелию. На полях выращивали картофель, огурцы, турнепс. Особенно много полей, по воспоминаниям старожилов, было в окрестностях пос. Ванзетур и дер. Шайтанка. В 1990-е годы колхозно-совхозное земледелие сошло на нет, зато распространилось личное огородничество. Практически все сельские семьи хантов и манси занимаются выращиванием огородных культур, прежде всего картофеля. Его обычно хватает до нового урожая. Сажают и овощи – капусту, огурцы, морковь, свеклу, кабачки, помидоры. Некоторые отказываются от выращивания овощей, ссылаясь на занятость в рыболовном промысле. Примерно половина семей имеют теплицы. В последние годы появилось новое увлечение – устройство цветников во дворах. У многих домов на протяжении всего лета цветут петунии, бархатцы. В Ванзевате проводится конкурс на лучший двор, что также стимулирует жителей к украшению своего участка. В целом можно сказать, что огородничество, хотя и сравнительно «молодое» для коренных жителей занятие, является значимой для них сферой труда.

Многие информанты с ностальгией вспоминают о колхозно-совхозных временах и порядках. «В колхозе работали нормально. Все тогда было – рыболовство, скотоводство, охота. Я пастухом был, целыми днями работал. Зарплату регулярно получал. Денег хватало» [ПМА 1, дер.

Тугияны: С.Е.]. «Напрасно колхозы сняли. Сейчас работы нет. Плохо» [ПМА 3, пос. Нижние Нарыкары: Я.М.]. С сожалением констатируется как очевидный факт, что при колхозах муксуна «на еду» ловили свободно, без ограничений, а сейчас рыбы нет, даже «на поесть» не хватает. Услышали мы и такой итог: «Взамен совхоза государство создало Центр занятости. А работы нет, вот все и уезжают из села» [ПМА 2, пос. Ванзетур: Ш.А.].

Для многих современных рыбаков, охотников и руководителей хозяйств сельскохозяйственные показатели, существовавшие в 1970-80-е гг., при сопоставлении с нынешним состоянием рыбодобывающей и других отраслей хозяйства, в которых было занято аборигенное население, являются, в определённом смысле, эталонными. Среди утраченных ныне преимуществ неизменно отмечаются большие транспортные возможности (с помощью воздушного транспорта осуществлялся вывоз добытой рыбы и доставка рыбаков на места промысла); отсутствие безработицы, строгий контроль за выполнением плана и соблюдением трудовой дисциплины.

Обсуждения и заключения

Приведенные в статье данные показывают, что традиционные отрасли хозяйства обских угров претерпели серьезные трансформации в

советский и постсоветский периоды. Хозяйственная деятельность коренного населения округа, с одной стороны, основывалась и основывается на возможностях природно-географической среды (экосистемы), а, с другой – подвержена изменениям, обусловленными модернизационными процессами. В период интенсивного развития рыночной экономики рыболовство по-прежнему сохраняет ведущие позиции в системе жизнеобеспечения коренного населения. Сбыт рыбы по неофициальным, «базарным», каналам повсеместно получил широкое распространение, что привело к развитию своеобразной сети коммуникаций и клиентских отношений для обслуживания потребностей людей. В условиях высокого уровня безработицы в сельской местности ХМАО вспомогательные роли в самообеспечении коренного населения играют охота, животноводство и огородничество. Эти сферы занятий почти не завязаны на «базарной» экономике, тем не менее, являются не менее значимыми в современных адаптивных стратегиях коренных жителей. Материалы и выводы автора могут быть полезны для выработки рекомендаций региональным и местным органам власти по регулированию торгово-клиентских отношений, порожденных хозяйственно-экономической активностью населения.

Литература и источники

1. Бардина Р.К. Материалы по этносоциальной истории обских и нижнесосьвинских манси в XIX – начале XXI века. Новосибирск: изд-во СО РАН, 2010. 175 с.
2. Бляхер Л.Е. Чего боятся и как выживают бюджетники. По материалам эмпирического исследования // Полития. 2016. № 3 (82). С. 52–70.
3. В Югре увеличивается добыча рыбы URL: <http://hanty-ansiysk.fishretail.ru/news/v-yugre-velichivaetsya-dobicha-ribi-374728/> (дата обращения: 01.10.2017).
4. Гирц К. Базарная экономика: информация и поиск в крестьянском маркетинге // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 2. С. 54–61.
5. Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север: в 3-х т. Т. 1. Тобольск: тип. В. Киршбаума, 1904. 281 с.
6. Куриков В.М. Природопользование и охрана северных территорий в условиях рынка. Томск: изд-во Томского ун-та, 1998. 30 с.
7. Куриков В.М. Экономика северных этносов: базис и независимость. Томск. изд-во Томского ун-та, 1999. 49 с.
8. Куриков В.М. Перспективы развития традиционных отраслей хозяйствования на территориях сельских поселений Югры // Вестник угроведения. 2012. № 4 (11). С. 147–154.
9. Куриков В.М. Создание малых инновационных производств как решение социально-экономических проблем многопрофильных и сельских населенных пунктов ХМАО – Югры // Вестник угроведения. 2011. № 2 (5). С. 175–186.
10. Мартынова Е.П., Пивнева Е.А. Коренные народы Обского Севера: Современное положение. Опыт адаптации // Исследования по прикладной и неотложной этнологии РАН. М., 2005. – 30 с.

11. Мартынова Е.П., Пивнева Е.А. Современное природопользование таежного населения Нижнего Приобья: Ханты-Мансийский и Октябрьский районы Ханты-Мансийского АО // Исследования по прикладной и неотложной этнологии РАН. М., 1999. № 130 – 28 с.
12. Мартынова Е.П., Пивнева Е.А. Традиционное природопользование народов Северного Приобья (По материалам Ханты-Мансийского автономного округа). М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2001. 152 с.
13. Пермитина М.А. Проблемы и перспективы развития рыбохозяйственного комплекса в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре // Вестник Югорского университета. 2015. № 2 (38). С. 74–82.
14. Пивнева Е.А. Ханты-Мансийский автономный округ // Север и Северяне: Современное положение коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. М., изд-во ИЭА РАН, 2012. М., 2012. С. 84–99.
15. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1264. Оп. 1. Д. 275. ЛЛ. 212–216, 241–242.
16. Сергеев М.А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера // Труды Института этнографии. Новая серия. Т. XXVII. М.; Л.: изд-во Акад. наук СССР, 1955. 571 с.
17. Силантьев А.А. Обзор промысловых охот в России. СПб.: тип. В. Киршбаума, 1898. 619 с.
18. Скорин-Чайков Н. В. Обмен и этнографические карты модерна на севере Сибири // Торговля в этнокультурном измерении: материалы XIV Международных Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2015. С. 106–109.
19. Сорин-Чайков Н.В. “Купцы и инородцы” сто лет спустя: введение // Этнографическое обозрение. 2017. № 1. С. 30–42.
20. Хакназаров С.Х. Проблемы социально-экономического развития территорий традиционного природопользования коренных народов ХМАО – Югры (по материалам социологических исследований). Ханты-Мансийск: Югорский формат, 2016. – 100 с.

Полевые материалы автора

1. ПМА 1. – Экспедиция в Белоярский район Ханты-Мансийского автономного округа – Югра. Июль 2017 г. (Информанты: С.Е., 1957 г.р.; Г.М., 1935 г.р.; Г.И., 1970 г.р.; Г.Г., 1966 г.р.).
2. ПМА 2. – Экспедиция в Березовский район Ханты-Мансийского автономного округа – Югра. Август 2017 г. (Информанты: Ш.А., 1964 г.р.; И.С., 1963 г.р.; М.А., 1961 г.р.; Л.Н., 1963 г.р.; Л.М., 1953 г.р.; Ч.В., 1975 г.р.).
3. ПМА 3. – Экспедиция в Октябрьский район Ханты-Мансийского автономного округа – Югра. Август 2017 г. (Информанты: Я.М., 1979 г.р.; Я.Л., 1965 г.р.).

References

1. Bardina R.K. *Materialy po etnosocial'noj istorii obskih i nizhnesos'vinskih mansi v XIX – nachale XXI veka* [The Materials on ethnosocial history of the Ob and Nizhnyaya Sosva Mansi in XIX – beginning of XXI centuries]. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN Publ., 2010. 175 p. (In Russian)
2. Blyakher L.E. *Chego boyatsya i kak vyzhivayut byudzhetniki. Po materialam empiricheskogo issledovaniya* [What afraid of the public sector and how they survive. On material of the empirical research]. *Politiya* [Politiya], 2016, no. 3 (82), pp. 52–70. (In Russian)
3. *V Yugre uvelichivaetsya dobycha ryby* [Fish production increases in Yugra]. Available at: <http://hanty-ansiysk.fishretail.ru/news/v-yugre-uvelichivaetsya-dobycha-ribi-374728/> (accessed October 01, 2017). (In Russian)
4. Geertz C. *Bazarnaya ekonomika: informaciya i poisk v krest'yanskom marketinge* [Bazaar economy: information and search in peasant marketing]. *Ekonomicheskaya sociologiya* [Economic sociology], 2009, Vol. 10, no. 2, pp. 54–61. (In Russian)
5. Dunin-Gorkavich A.A. *Tobol'skij Sever: v 3-h t.* [The Tobolsk North: in 3 Vol.]. Tobolsk: tip. V. Kirshbauma Publ., 1904. Vol. 1. 281p. (In Russian)

6. Kurikov V.M. *Prirodopol'zovanie i ohrana severnyh territorij v usloviyah rynka* [Nature use and protection of the Northern territories in conditions of the market]. Tomsk: izd-vo Tomskogo un-ta Publ., 1998. 30 p. (In Russian)
7. Kurikov V.M. *Ekonomika severnyh etnosov: bazis i nezavisimost'* [The economy of the North ethnic groups: basis and independence]. Tomsk: izd-vo Tomskogo un-ta Publ., 1999. 49 p. (In Russian)
8. Kurikov V.M. *Perspektivy razvitiya tradicionnyh otraslej hozyajstvovaniya na territoriyah sel'skih poselenij Yugry* [Prospects of development of traditional economic sectors in the territories of rural settlements of Yugra]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2012, no. 4 (11), pp. 147–154. (In Russian)
9. Kurikov V.M. *Sozdanie malyh innovacionnyh proizvodstv kak reshenie social'no-ekonomicheskikh problem mnogoprofil'nyh i sel'skih naseleennyh punktov HMAO – Yugry* [Creation of small innovative companies as a solution of socio-economic problems of the multi-profile and rural settlements of KhMAO – Yugra]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2011, no. 2 (5), pp. 175–186. (In Russian)
10. Martynova E.P., Pivneva E.A. *Korennye narody Obskogo Severa: Sovremennoe polozhenie. Opyt adaptacii* [Indigenous peoples of the Ob North: Current status. Experience of adaptation]. *Issledovaniya po prikladnoj i neotlozhnoj etnologii RAN* [Studies on applied and urgent ethnology of the RAS], 2005, 30 p. (In Russian)
11. Martynova E.P., Pivneva E.A. *Sovremennoe prirodopol'zovanie taezhnogo naseleniya Nizhnego Priob'ya: Hanty-Mansijskij i Oktyabr'skij rajony Hanty-Mansijskogo a.o.* [Modern nature use of the taiga population of the Lower Ob Region: Khanty-Mansiysky and Oktyabrsky Districts of Khanty-Mansiysk AO]. *Issledovaniya po prikladnoj i neotlozhnoj etnologii RAN* [Studies on applied and urgent ethnology of the RAS], 1999, no. 130, 28 p. (In Russian)
12. Martynova E.P., Pivneva E.A. *Tradicionnoe prirodopol'zovanie narodov Severnogo Priob'ya (Po materialam Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga)* [Traditional nature use of the peoples of the Northern Ob Region (On materials of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug)]. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN Publ., 2001. 152 p. (In Russian)
13. Permitina M.A. *Problemy i perspektivy razvitiya rybohozyajstvennogo kompleksa v Hanty-Mansijskom avtonomnom okruge – Yugre* [Problems and prospects of development of fishery industry in Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra]. *Vestnik Yugorskogo universiteta* [Bulletin of Yugra State University], 2015, no. 2 (38), pp. 74–82. (In Russian)
14. Pivneva E.A. *Hanty-Mansijskij avtonomnyj okrug* [Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug]. *Sever i Severyane: Sovremennoe polozhenie korennyh malochislennyh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka* [The North and Northerners: Modern status of indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East]. Moscow: Izd-vo IEA RAN Publ., 2012. pp. 84–99. (In Russian)
15. *RGIА – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv* [RSHA – Russian State Historical Archive]. F. 1264. Inv.1. S. 275. LL. 212, 213–214, 215–216, 241–242; F. 1264. (In Russian)
16. Sergeev M.A. *Nekapitalisticheskij put' razvitiya malyh narodov Severa* [Non-capitalist way of development of small peoples of the North]. *Trudy Instituta etnografii. Novaya seriya* [Proceedings of the Institute of Ethnography. New series]. Moscow; Leningrad: Izd-vo Akad. nauk SSSR Publ., 1955. Vol. XXVII. 571 p. (In Russian)
17. Silant'ev A.A. *Obzor promyslovyh ohot v Rossii* [Review of commercial hunting in Russia]. Saint-Petersburg: tip. V. Kirshbauma Publ., 1898. 619 p. (In Russian)
18. Ssorin-Chaykov N.V. *Obmen i etnograficheskie karty moderna na severe Sibiri* [Exchange and the ethnographic map of the Nouveau in the North of Siberia]. *Torgovlya v etnokul'turnom izmerenii: materialy XIV Mezhdunarodnyh Sankt-Peterburgskih etnograficheskikh chtenij* [Trade in ethnic-cultural dimension: materials of the XIV St. Petersburg International Ethnographic Readings]. Saint-Petersburg: IPC SPGUTD Publ., 2015. pp. 106–109. (In Russian)
19. Ssorin-Chaykov N.V. *“Kupcy i inorodcy” sto let spustya: vvedenie* [“Traders and the allogeneous people” one hundred years later: introduction]. *Etnograficheskoe obozrenie* [The Ethnographic Review], 2017, no. 1, pp. 30–42. (In Russian)

20. Khaknazarov S.Kh. *Problemy social'no-ekonomicheskogo razvitiya territorij tradicionnogo prirodopol'zovaniya korennykh narodov HMAO – Yugry (po materialam sociologicheskikh issledovaniy)* [Problems of socio-economic development of territories of traditional nature use of indigenous peoples of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra (on materials of sociological research)]. Khanty-Mansiysk: Yugorskij format Publ., 2016. 100 p. (In Russian)

Field materials of the author

1. Field materials of the author 1 – Jekspedicija v Belojarskij rajon Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga – Jugra (Ijul', 2017, informanty: S.E., 1957 g. r.; G.M., 1935 g. r.; G.I., 1970 g. r.; G.G., 1966 g. r.) [Expedition in Beloyarsky District of KhMAO – Yugra (July, 2017, informants: S.E., 1957 year of birth; G.M., 1935 year of birth; G.I., 1970 year of birth; G.G., 1966 year of birth)].

2. Field materials of the author 2 – Jekspedicija v Berezovskij rajon Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga – Jugra (Avgust, 2017, informanty: Sh.A., 1964 g. r.; I.S., 1963 g. r.; M.A., 1961 g. r.; L.N., 1963 g. r.; L.M., 1953 g. r.; Ch.V., 1975 g. r.) [Expedition in Beryozovsky District of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra (August, 2017, informants: Sh.A., 1964 year of birth; I.S., 1963 year of birth; M.A., 1961 year of birth; L.N., 1963 year of birth; L.M., 1953 year of birth; Ch.V., 1975 year of birth)].

3. Field materials of the author 3 – Jekspedicija v Oktjabr'skij rajon Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga – Jugra (Avgust, 2017, informanty: Ja.M., 1979 g. r.; Ja.L., 1965 g. r.) [Expedition in Oktyabrsky District of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra (August, 2017, informants: Ya.M., 1979 year of birth; Ya.L., 1965 year of birth)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мартынова Елена Петровна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и археологии ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого», 300026, пр-т Ленина, 125, г. Тула, Российская Федерация.

ep_martynova@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1132-2286

ABOUT THE AUTHOR

Martynova Elena Petrovna, Doctor of Historical Sciences, Professor of Chair of History and Archeology, Tula State Pedagogical University by Lev Tolstoy, 300026, Lenina pr-t, 125, Tula, Russian Federation.

ep_martynova@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1132-2286